

«Воцерковленное язычество»: университет как образ мира

Денис Игнатъев

Человечество издавна мечтает об универсальности знания: его ум стремится постичь этот мир в его целостности и выразить его суть в некой единой форме. Этот вечный поиск универсального символа, который заключил бы в себе всю сущность мира, можно отнести к числу основных установок сознания. Позитивистское фиксирование фактов и описывание свойств физического мира не насыщает человеческий дух. Он жаждет прорыва к универсалиям, к таким знаниям, которые были бы не хаосом разрозненной, лишенной жизни информации, а возможностью ощутить всю полноту Бытия, «все во всем».

Внешний (да и внутренний) мир, данный в ощущениях, предстает человеку скорее как Хаос, нежели как Космос. Само сознание человека творит из Хаоса Космос — придает миру упорядоченность, набрасывая на него структурирующую сетку. Не будет преувеличением сказать, что человек скорее приписывает этому миру упорядоченность, чем открывает объективно существующий порядок мироздания. Человечество структурирует не только

сферу духа (о соотношении структурирующей активности сознания с объективными законами природы еще можно спорить), но и сферу исторического: человек не открывает и не воссоздает события минувших дней, а конструирует их, дабы не остаться в «безвоздушном» временном пространстве, осмыслить историю как некую упорядоченность и вписать свою жизнь в ее контекст. Более того, человеческий дух стремится выстроить и мир горний, сферу непостижимого. Важное место в этом процессе занимает университет, в лоне которого исторически развивается схоластика, то есть рационалистическое богословие. Церковные догматы выстраиваются в стройную систему, при этом заполняются лакуны Откровения, поскольку человеческий ум требует ответов на вопросы, не эксплицированные в тексте Священного Писания. Гордыня ума (по аскетическому учению святых отцов, «ума, поврежденного грехом») из собственных недр выстраивает логические построения, призванные восполнить недостающее знание. Представляется закономерным, что университет, изначально выступающий как

оплот католического богословия, развивает идею рационалистической теологии до ее логического завершения и со временем превращается в авангард антиклерикализма. Таким образом, он проходит путь от теологической направленности знания к гуманитарной. Можно говорить и о том, что изначально университет был обращен к Божественному разуму, затем его место занял разум человеческий, а завершается круг перерождением (вырождением) гуманитарного знания в технологию. Материализованной метафорой этого перерождения может служить «искусственный интеллект» [см. подробнее: Демидова б.г.].

Каждая культура имеет свою модель (образ, картину) мира — нечто идеальное, абстрактное, проявляющееся в различных феноменах. Картина мира воплощается в объектах культуры, в социальных институтах, в укладе жизни, предметах быта и т.д., но ни один из феноменов не способен воплотить ее полностью. Ее проявление носит «фрактальный» характер: например, в форме государственного устройства проявляется мировоззрение народа, его картина мира; такое же проявление универсальной картины — семья (глава Церкви — Христос, глава государства — монарх, глава семьи — муж). Религия в целом есть выражение структуры мира (так, церковная иерархия в христианской Церкви отражает ангельскую иерархию), но универсальной моделью мира является и отдельно взятый храм или монастырь. Подобным воплощением картины мира можно считать и университет.

Университет возникает в эпоху Средневековья в католической Европе (Византийский университет — особый случай и требует отдельного исследования), поэтому его стоит рассматривать как воплощение католической картины мира, его иерархической структуры. Университет стал одной

из высоких форм реализации дидактизма христианского учения, кафоличности (универсальности) знания, его вербальной направленности (логосности).

Средневековому христианскому уму мироздание представлялось школой, а мировая история от сотворения мира до второго пришествия Христова — своего рода учебным процессом. Жизнь каждого отдельного человека воспринималась как процесс образования, возрастания «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13). В Священном Писании отношения между участниками священных событий часто описываются как отношения «Учитель — ученик». Этот дидактический пафос средневекового христианства воплотился в университете.

Идея кафоличности — центральная идея христианской Церкви. Христос, обращаясь к ученикам, говорит: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Матф. 28, 19). Церковь была призвана преодолеть географические и культурные границы, поскольку во Христе «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11). Как принадлежность к Церкви означает для христианина больше, чем принадлежность к какой-либо культуре, так для схоласта решающим оказывается принадлежность к университетской корпорации. В этом смысле можно утверждать, что стремление к глобализации задолго до появления этого термина становится сущностной характеристикой христианской Церкви.

По словам П. Бицилли, «мир средневекового человека был невелик, понятен и удобно обозреваем. Все в этом мире было упорядочено, распределено по местам; всем и всему было указано собственное

дело и собственная честь. Нигде не было пустых мест и пробелов, но не было также и ничего ненужного и лишнего; каждый голос вливался в общую гармонию, и всякая тварь, вплоть до черта и до злого язычника Магомета, выполняла предначертанную ей в программе Провидения роль, отбывала положенную ей повинность» [Бицилли 1916: 300]. Бицилли называл средневековых деятелей культуры «великими провинциалами» за то, что они экстраполировали представления о своем месте обитания на всю Вселенную. Законы бытия того уголка Европы, где жил средневековый человек, обретали статус всеобщности. Но проявившийся в этом средневековый универсализм возник не исключительно из недр христианства: с подобным феноменом мы сталкиваемся и в античной культуре. Античный человек не меньше средневекового стремился к универсальности, что нашло свое выражение, например, в его концепте Космоса. Более того, с этой точки зрения и жителя греческого полиса можно было бы назвать провинциалом, поскольку город, в котором он проживал, тоже был для него Космосом — бастионом упорядоченности, о который разбивались волны Хаоса.

На наш взгляд, в стремлении средневекового человека воспринимать свой монастырь, замок или университет как Вселенную следует видеть не провинциализм, а глубину символического мышления. Индивидуальное бытие средневекового жителя всегда вписывалось в контекст мировой истории, которая, в свою очередь, понималась как домостроительство Божие, как совершение дела спасения человека. Зримый телесный мир оказывался вторичным по отношению к миру горнему, он обретал свою ценность в сопряжении с миром духовных существей. Впрочем, стоит сразу оговориться, что грань между двумя мирами весьма

условна. Так, природная красота обретает свой статус лишь потому, что является отражением нетварной Божественной красоты. Изучение явлений внешнего мира обретает смысл для средневекового человека, прежде всего, потому, что через сотворенный мир просвечивает совершенство Творца. По слову Священного Писания, «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20).

На основании этого изречения апостола Павла была сформулирована теория «двух истин», ставшая своего рода максимальной средневековой теорией. В этих строках апостольского послания — целая апология университета, оправдание рационализма как такового. Заключенный в пределы физического пространства, средневековый человек не слишком скорбит, поскольку перемещение физического тела в пространстве само по себе малозначимо. Средневековый монах оказывается способным к удивительным путешествиям, которые он совершает умозрительно, не покидая телесно пределов своей кельи. «Воображаемые странствия отличаются большим разнообразием сюжетов, чем средневековые описания путешествий реальных, строившихся, как правило, по уже заданной схеме. Многие монахи из числа пишущей братии видели чудовищ на дне своей миски с супом куда яснее, чем в глубинах Средиземного моря» [Горелов 2002: 27–28].

Для средневекового человека умозрительное познание было более надежным методом, чем эмпирическое исследование. Это определяет характер занятий в университете того времени. Там находит свое отражение идея познаваемости мира. Физический мир познаваем, а непознаваемое Божество свидетельствует о себе

в Откровении. Идея иерархии — одна из определяющих идей для средневекового мира, поэтому наибольшую значимость приобретают не отдельные сведения о мире сами по себе, а то, как они вписываются в картину установленного Богом универсального иерархического порядка. Иерархизация знания стала функцией университета. Университет был призван утверждать порядок в мире «второй реальности», которая оказывалась более значимой для средневекового человека, чем исходная «первая реальность». В этом проявилась важнейшая функция университета: оформление мировоззрения в готовые рациональные формы. Здесь важен именно момент оформления, а не создания мировоззрения как такового, поскольку в университете систематизировалось церковное вероучение, обретая тем самым некий цельный облик.

Сущностной характеристикой университетского знания является его целостность и кафоличность. Средневековые университетские штудии не были лишь описанием современной им локальной европейской реальности, они сообщали ей характер вселенскости, всеобщности. Пожалуй, наиболее точно сущность средневекового мышления выражают категории микро- и макрокосма. Университет в Средние века, несомненно, являл собой микрокосм, обладавший такой же полнотой, универсальностью и целостностью, как и макрокосм.

Уже в самой трехфакультетной структуре средневекового университета (не считая факультета свободных искусств, который был подготовительным) отразилась христианская антропология с ее учением о трихотомии человека. Можно проследить связь между присутствием в человеке тела, души и духа и наличием в университете медицинского, юридического и теологического факультетов. Подобно тому, как в человеке

тело и душа должны быть подчинены духу, так в университете все науки находят свою конечную цель в теологии. Университет предстает как целостный живой организм, храм знания о мире и Боге, равно как само мироздание представляется христианскому уму храмом Божества.

Изначально слово «universitas» не означало универсальности знания: этот термин отражал цеховую структуру средневекового общества, обозначая совокупность (корпорацию) учеников и наставников. Само слово «корпорация» происходит от латинского слова «corpus» — тело. Можно провести аналогию с определением апостолом Павлом Церкви как Тела Христова: «И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, [иным дал] силы [чудодейственные], также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (Кор. 12, 27–28). Эта цитата уже содержит в себе идею специализации и универсальности. Именно университет и станет тем мистическим телом, которое составят узкие специалисты в отдельных областях. Формирование универсального профессионала не может и не должно быть задачей университета, но само существование идеи университета в его средневековом понимании гарантирует, что идеал универсальности реализуется в нем как в трансцендентном субъекте.

Равным образом все представители университетской корпорации являются членами одного тела, частью целостного живого организма, для которого, как и для церкви, мистическое единство, единая сверхзадача важнее географической близости. Школяры удаленных друг от друга университетов ощущали свое единство и с легкостью переходили из одного университета в другой, оказываясь при этом в каждом горо-

де чужаками для тех, кто не был членом корпорации. Перемещение студентов по Европе носило характер паломничества, причем паломничества в культурном пространстве — из одного храма науки в другой. Под *культурным пространством* в данном контексте следует понимать единое пространство виртуальной культуры, которое и было сформировано средневековым католическим университетом. Это виртуальное пространство университетской культуры, носителями которой были студенты и магистры, в некоторой степени аналогично католическому пространству Церкви. Для христианского сознания Средних веков историческая достоверность и географическая точность были понятиями весьма условными: святыни могли легко перемещаться с места на место, на книжных миниатюрах участники событий Священной истории облачались в средневековое европейское платье, в северных землях появлялись географические названия из библейской истории. В этой корпоративной структуре уже содержался в зародышевой форме механизм глобализации мира, который действует в наши дни. Идея условности географических границ, которая столь активно эксплуатируется на современном этапе глобализации, была очень близка миру средневекового университета. Реальность культурная оказывалась значительнее и надежнее реальности окружающего мира с его физическими ограничениями. В наши дни эта идея смогла найти свое физическое воплощение в средствах массовой коммуникации.

Нет ничего удивительного в том, что религия, сердцем которой является Божественный Логос (Бог-Слово, вторая ипостась Пресвятой Троицы), проявила себя в таком социальном институте, как университет, сердцем которого стала словесность (филология), определив не только его содержа-

ние, но и стиль университетской жизни во всех сферах («Гуманитарные науки — ядро университета» [Coetzee 2003: 125; перевод мой. — *Д.И.*]). Средневековый университет утвердил примат гуманитарного знания, так как именно в словесных науках проявляется логосность мироздания. Бог творит мир словом (Быт. 1, 3), открывает себя в слове, поэтому наиболее предпочтительным занятием для человека, несомненно, является исследование слова Божия — экзегеза. Не случайно центральное место в споре об универсалиях (одна из исследовательских программ средневекового университета) занимал вопрос о природе слова. «А для низкой жизни были числа, / Как домашний, подъяремный скот» (Н. Гумилев). Действительно, арифметика и геометрия изучались на подготовительном факультете свободных искусств в рамках квадривиума. Более того, излишняя увлеченность числами могла навести на мысль о занятиях нумерологией и кабалистикой. Язык чисел не осознавался средневековым человеком как нечто универсальное. Число имело отношение к миру распадающихся частных, а не универсальных смыслов, так как численные методы не способны истинно описать мир, в начале которого есть Бог-Слово. В этом смысле университет отчасти сохранил за собой монополию на гуманитарное знание. На технических и естественнонаучных факультетах современных западных университетов изрядная часть учебного времени отводится гуманитарным дисциплинам.

Разумеется, не следует считать университет плодом исключительно католической церкви, у него есть и другие весьма глубокие корни. Так, источник идеи автономности университета можно усмотреть как в христианском учении о ценности каждой человеческой жизни и свободе во Христе, так и в традиции свободных греческих городов-

полисов. Из античности в средневековый университет приходят традиция диспута, публичного спора, риторическая традиция (элоквенция) и диалогическая форма мышления вообще. И сама идея универсализма,

являясь, собственно, общечеловеческой мечтой, для Европы обрела свои формы в Римской империи, но этот универсализм государственности Рима был трансформирован католической церковью.

п р и м е ч а н и я

Бицилли П.М. 1916. Салимбене. Одесса.

Горелов Н. 2002. Средневековье в преддверии «fantasy» // Плавание святого

Брендана / Пер. с лат. и ст.-фр. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика.

Демидова О.Р. [б.г.] Гуманитарные науки как антрополо-

гическая константа социума (рукопись).

Coetzee J.M. 2003. Elizabeth Costello. L.

Российская ассоциация политической науки

проводит 5–6 декабря 2008 г. в Москве международную научную конференцию

«НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ РОССИИ»

На конференции предполагается обсудить широкий круг вопросов, связанных с политическими процессами на федеральном и региональном уровнях, а также международные аспекты российской политики:

- 2020: стратегия политического развития России;
- особенности избирательного цикла 2007–2008 гг.;
- конституционное развитие России;
- трансформация политического класса и партийной системы;
- федерализм, регионализм и местное самоуправление: новые проблемы;
- политико-правовая культура, гражданское участие и гражданский контроль;
- обновление концепции внешней политики и военной доктрины России.

Заявки на выступление принимаются до **5 октября 2008 г.** по адресам rapn@rapn.ru, rapn@mail.ru. В заявке указать: ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты, предполагаемое направление. К заявке необходимо приложить тезисы доклада (3 стр.).

Оргвзнос — 400 руб., для членов РАПН и МО РАПН — 250 руб.

Оргкомитет конференции: А. Никитин (председатель), О. Гаман-Голутвина, О. Малинова, С. Патрушев, В. Петровский, Ю. Устинова (секретарь).

Место проведения: г. Москва, Нахимовский пр-т, 51/21, ИНИОН РАН.